

Ничего, кроме правды

2013-10-21, Ксения ЗАГОРОВА Vestis Segodņa

Скоро выйдет в свет третья книга «Черновики истории» Яниса Урбановича, Игоря Юргенса и Юриса Пайдерса (на латышском и русском языках). Ее презентация планируется в рамках Балтийского форума, который пройдет в Юрмале 25-26 октября.

Первые две части «Черновики истории» вызвали неоднозначную реакцию среди историков, политиков и свидетелей эпохи. Третий том также грозит произвести эффект разорвавшейся бомбы, поскольку разрушает многие привычные представления и мифы о послевоенном периоде. Но авторы уверены: только правда может остановить войну историй, которая и сегодня разводит людей по разные стороны фронта.

О новой книге мы побеседовали с одним из ее авторов — журналистом Юрисом Пайдерсом.

— Какими были послевоенные годы в Латвии?

— Как сказал Игорь Юргенс, то было время величия и позора. Сначала мы не планировали так подробно рассматривать этот период, но, занявшись его изучением, поняли, что это белое пятно в истории Латвии и поэтому нельзя коснуться его событий только мимоходом. В советское время они замалчивались

— ведь проходили такие идеологические кампании и были приняты такие экономические решения, от которых потом власть хотела откреститься.

После обретения Латвией независимости этот период стали рассматривать только в контексте репрессий и борьбы против советской власти

— пассивной или вооруженной. Все остальные вопросы, по сути, оставались вне поля зрения. Поэтому мы и сосредоточили свое внимание на экономике

— восстановлении промышленности и сельского хозяйства. Наряду с документами, мы включили в книгу свидетельства очевидцев того времени.

Нам также казалось важным показать ситуацию в Латвии в мировом контексте. Ведь у нас принято рассматривать происходившее в советский период как политику, направленную исключительно против латышей. Мне приходилось читать статьи, в которых говорилось, что укрупнение колхозов — геноцид против латышей, направленный на разрушение традиционного образа жизни. Но это не так! То была кампания, которая проходила по всему Союзу и преследовала сугубо экономические цели. Руководство страны решило, что крупные хозяйства будут более эффективными и смогут обеспечить страну продуктами.

— В Латвии организация колхозов была воспринята особенно болезненно, потому что она разрушила традиционный образ жизни?

— О сельском хозяйстве Латвии 30-х годов сложено много мифов. Принято считать, что советская власть разрушила процветающее сельское хозяйство, но это неправда, вернее, не вся правда. Три-четыре района Латвии действительно были на уровне Дании, они и давали 80% всей экспортной продукции. Остальные же, особенно в Курземе, Лат-галии, были весьма отсталыми.

Если допустить, что Латвия осталась бы независимой, то устоявшийся уклад все равно был бы разрушен рыночными отношениями. Ведь товарное производство могло успешно развиваться лишь в окрестностях Риги, других городов. А крестьянам из отдаленных районов некуда сбывать свою продукцию.

В Латгалии ситуация была еще более сложной. Там преобладали мелкие хозяйства, а семьи были многодетными, так что земля не могла прокормить всех. В поисках заработка сельчане отправились бы в город, но и там для них не хватило бы рабочих мест, и тогда началась бы массовая эмиграция, как в начале века в Швеции. Так что приход советской власти просто законсервировал некоторые процессы. Финансовые потоки поддерживали те территории, которые при свободном рынке были обречены на разорение.

— Оказывается, латвийский бекон и масло пошли на экспорт после девальвации лата в 1936 году. Этот факт у нас тоже не слишком рекламируется, хотя он весьма поучителен...

— Лат был девальвирован после того, как в канун войны рухнула мировая валютная система.

— И это пошло на пользу экономике Латвии!

— Да, бесспорно. Конец 1937-го, 1938 и 1939 годы в Латвии были годами расцвета. Промышленность развивалась, жизнь улучшалась. Конечно, это не значит, что все было идеально. Существовала и классовая рознь, и безработица, количество недовольных режимом Улмани-са было огромным. Это важное обстоятельство официальные историки не учитывают, поскольку оно не вписывается в концепцию: мол, пришли оккупанты и всех подчинили своей воле.

Когда советская власть в 1940 году начала земельную реформу, предоставляя «кулацкую» землю тем, у кого ее было мало или не было вовсе, то заявки подали 150 000 человек — половина сельского населения! Это говорит о том, что реформа пользовалась массовой поддержкой народа. Именно поэтому в 1940 году в Латвии и не было вооруженного сопротивления советской власти.

— А потом все изменилось.

~ В 1944-1945 годы жители Латвии стонали под грузом военных повинностей. В 1946 советская власть начала восстанавливать сельское хозяйство, скрывая намерение в ближайшее время создать колхозы. Это делалось специально, чтобы стимулировать людей восстанавливать свои хозяйства.

Дело пошло довольно быстро. Ведь Латвия не была так сильно разорена, как, например, Белоруссия. Заметные разрушения были только там, где проходила линия фронта. Но как только село начало подниматься, налоги и повинности увеличились настолько, что их нельзя было заплатить и выполнить.

— Зачем власти это делали? Ведь недавно кончилась война, люди только вздохнули свободнее...

— Цели были две. Во-первых, развивать индустриализацию, во-вторых — готовиться к новой войне, угроза которой витала в воздухе. Сталин не хотел, чтобы его снова застали врасплох.

В 1946 году крестьян экономически стимулировали производить больше, позволяя за сданное сверх нормы зерно приобретать сеялки, трактора. Но через год наверху было признано, что это слишком дорогой путь. Чтоб сократить расходы, партия решила продолжить политику 30-х годов, когда ресурсы для промышленности и армии у села забирали, ничего не давая взамен. В 1947-1948 годы государство создало такую систему, что единоличное хозяйство стало экономически бессмысленным.

— Читая в вашей книге об этом периоде, ловишь себя на мысли, что власть последовательно уничтожала самых трудолюбивых и старательных.

— Думаю, такой цели никто не ставил. Задача была обеспечить продовольствием города и армию. В Латвии этот период сверхэксплуатации продлился относительно недолго—с 1947 по 1953 год. В Нечерноземье он был намного длиннее — начиная с 30-х годов. Это беспощадное выкачивание ресурсов разрушило основу сельского хозяйства России, от чего оно не может оправиться до сих пор.

— Каковы главные выводы, к которым вы пришли?

— Местных представителей советской власти сейчас в Латвии принято клеймить как предателей, подписывавших приказы о расстрелах и депортациях. В своей книге мы четко изложили механизм принятия решений в сталинское время. Все указания поступали из Москвы. Отчеты о проделанной «работе» также подавались министру внутренних дел СССР. И того, кто ослушался указаний сверху, на следующий день убрали бы.

Парадоксальную мысль выскажу о депортации 1949 года. То был неурожайный год, и началось массовое невыполнение поставок продовольствия. По законам того времени за это полагалось наказание: пять лет ГУЛАГа и высылка из Латвии. То есть десятки тысяч человек должны были быть осуждены и высланы. Этот кошмар непременно бы начался и привел к обострению сопротивления, на которое был бы дан ответ, повлекший за собой новые жертвы. Депортация же подвела черту и, возможно, оказалась меньшим злом... Знаю, что за это высказывание на меня набросятся. Но то был очень жесткий период. Происходившее тогда нельзя понять с позиций нашего времени.

Хотя многие процессы того времени напоминают нынешние. То, что недавно происходило на Кипре, весьма похоже на денежную реформу в Германии, а также реформу 1947 года в СССР, когда вклады облагались большими налогами.

А что касается главного вывода нашей книги, то тут я согласен с Яни-сом Урбановичем: Латвию спасли и те, кто оказывал вооруженное сопротивление советской власти, и те, кто работал во власти, пытаясь разумно амортизировать централизованную политику, спасая от сверхэксплуатации и добиваясь послаблений для населения. Поэтому паспорта сельским жителям Латвии, Литвы и Эстонии выдали уже в конце 40-х годов, а в России — на 30 лет позже.

Если бы все с энтузиазмом выполняли распоряжения Москвы, то вместо Латвии сегодня была бы другая страна. Но никто не уцелел бы, если бы здешнее население оказывало более мощное сопротивление. Латышей бы просто распылили — по 20 000 — по российским округам. Не случайно же Сталину приписывают слова, что если будет продолжаться вооруженное сопротивление, то Литовская ССР, конечно, останется, но неизвестно, будут ли в ней литовцы

— Выражение «война историй» стало уже привычным. Можно ли ее остановить?

— Война историй — это не конкуренция разного рода интерпретаций, а использование их в политических целях. Можно сколько угодно просить политиков остановить эти спекуляции, но они все равно будут продолжаться. Сколько копий сломано вокруг требования признания оккупации! Но ведь речь идет не о покаянии, а прежде всего о предъявлении материальных претензий. И это тормозит

примирение.
Как всегда, глубокие
раны лечит только время...

История проме жуды

Юрис Пайдерс: история — это жизнь. А она всегда сложна и неоднозначна.

Скоро выйдет в свет третья книга «Черновики истории» Яниса Урбановича, Игоря Юргенса и Юриса Пайдерса (на латышском и русском языках). Ее презентация планируется в рамках Балтийского форума, который пройдет в Юрмале 25–26 октября.

Первые две части «Черновики истории» вызвали неоднозначную реакцию среди историков, политиков и свидетелей эпохи. Третий том также грозит произвести эффект разорвавшейся бомбы, поскольку разрушает многие привычные представления и мифы о послевоенном периоде. Но авторы уверены: только правда может остановить войну истории, которая и сегодня разводит людей по разные стороны фронта.

О новой книге мы поговорили с одним из ее авторов — журналистом Юрисом Пайдерсом.

— **Какими были послевоенные годы в Латвии?**

— Как сказал Игорь Юргенс, то было время величия и позора. Сначала мы не планировали так подробно рассматривать этот период, но, занявшись его изучением, поняли, что это было пятно в истории Латвии и поэтому нельзя коснуться его событиями только мимоходом. В советское время они замалчивались — ведь проходили такие идеологические кампании и были приняты такие экономические решения, от которых потом власть хотела отделиться.

После обретения Латвией независимости этот период стали рассматривать только в контексте репрессий и борьбы против советской власти — лассивной или вооруженной. Все остальные вопросы, по сути, оставались вне поля зрения. Поэтому мы и сосредоточили свое внимание на экономике — восстановлении промышленности и сельского хозяйства. Наряду с документами, мы включили в книгу свидетельства очевидцев того времени.

Нам также казалось важным показать ситуацию в Латвии в мировом контексте. Ведь у нас принято рассматривать происходившее в советский период как политику, направленную исключительно против латышей. Мне пришлось читать статьи, в которых говорилось, что укрупнение колхозов — геноцид против латышей, направленный на разрушение традиционного образа жизни. Но это не так! То была кампания, которая проходила по всему Союзу и преследовала сугубо экономические цели. Руководство страны решило, что крупные хозяйства будут более эффективными и смогут обеспечить страну продуктами.

— **В Латвии организация колхозов была воспринята особенно болезненно, потому что она разрушила традиционный образ жизни?**

— О сельском хозяйстве Латвии 30–х годов сложено много мифов. Принято считать, что советская власть разрушила процветающее сельское хозяйство, но это неправда, вернее, не вся правда. Три–четыре района Латвии действительно были на уровне Дании, они и давали 80% всей экспортной продукции. Остальные же, особенно в Курземе, Латгалии, были весьма отсталыми.

Если допустить, что Латвия осталась бы независимой, то устоявшийся уклад все равно был бы разрушен рыночными отношениями. Ведь товарное производство могло успешно развиваться лишь в окрестностях Риги, других городов. А крестьянам из отдаленных районов некуда сбывать свою продукцию.

В Латгалии ситуация была еще более сложной. Там преобладали мелкие хозяйства, а семьи были многодетными, так что земля не могла прокормить всех. В поисках заработка сельчане отправлялись бы в город, но и там для них не хватало бы рабочих мест, и тогда начался бы массовая эмиграция, как в начале века в Швецию. Так что приход советской власти просто зафиксировал некоторые процессы. Финансовые потоки поддерживали те территории, которые при свободном рынке были обречены на разорение.

— **Оказывается, латвийский бекон и масло пошли на экспорт после девальвации латы в 1936 году. Этот факт у нас тоже не слишком рекламируется, хотя он весьма поучителен...**

— Лат был девальвирован после того, как в канун войны рухнула мировая валютная система.

— **И это пошло на пользу экономике Латвии!**

— Да, бесспорно. Конец 1937–го, 1938 и 1939 годы в Латвии были годами расцвета. Промышленность развивалась, жизнь улучшалась. Конечно, это не значит, что все было идеально. Суше существовала и классовая разнь, и безработица, количество недоземельных режимом Улманиса было огромным.

Это важное обстоятельство официальные историки не учитывают, поскольку оно не вписывается в концепцию: мол, пришли оккупанты и всех подчинили своей воле.

Когда советская власть в 1940 году начала земельную реформу, предоставляя «кулацкую» землю тем, у кого ее было мало или не было вовсе, то заявки подали 150 000 человек — половина сельского населения! Это говорит о том, что реформа пользовалась массовой поддержкой народа. Именно поэтому в 1940 году в Латвии и не было вооруженного сопротивления советской власти.

— **А потом все изменилось.**

— В 1944–1945 годы жители Латвии стонали под грузом военных повинностей. В 1946 советская власть начала восстанавливать сельское хозяйство в ближайшее время создать колхозы. Это делалось специально, чтобы стимулировать людей восстанавливать свои хозяйства.

Дело пошло довольно быстро. Ведь Латвия не была так сильно разорена, как, например, Белоруссия. Замечательное разрушение были только там, где проходила линия фронта. Но как только село начало подниматься, налоги и

повинности увеличались настолько, что их нельзя было заплатить и выполнить.

— **Зачем власти это делали? Ведь недавно кончилась война, люди только вздохнули свободнее...**

— Цели были две. Во-первых, развивать индустриализацию, во-вторых, готовиться к новой войне, угроза которой витала в воздухе. Сталин не хотел, чтобы его снова застали врасплох. В 1946 году крестьян стимулировали производить больше, позволяя за сданное сверх нормы зерно приобретать севалки, трактора. Но через год наверху было признано, что это слишком дорогой путь. Чтоб сократить расходы, партия решила продолжить политику 30–х годов, когда ресурсы для промышленности и армии у села забирали, ничего не давая взамен. В 1947–1948 годы государство создало такую систему, что единичное хозяйство стало экономически бессмысленным.

— **Читая в вашей книге об этом периоде, ловишь себя на мысли, что власть последовательно уничтожала самых трудолюбивых и старательных.**

— Думаю, такой цели никто не ставил. Задача была обеспечить продовольствием города и армию. В Латвии этот период сверхэксплуатации продолжился относительно недолго — с 1947 по 1953 год. В Нечерноземье он был намного длиннее — начиная с 30–х годов. Это беспощадное выкачивание ресурсов разрушило основу сельского хозяйства России, от чего оно не может оправиться до сих пор.

— **Каковы главные выводы, к которым вы пришли?**

— Местных представителей советской власти сейчас в Латвии принято климать как предателей, подписывавших приказы о расстрелах и депортациях. В своей книге мы четко изложили механизм принятия решений в сталинское время. Все указания поступали из Москвы. Отчеты о проделанной «работе» также подавались министру внутренних дел СССР. И того, кто слушался указания сверху, на следующий день убрали бы.

Парадоксальная мысль выскажу о депортации 1949 года. То был неуро-

жайный год, и началось массовое невыполнение поставок продовольствия. По законам того времени за это полагалось наказание: пять лет ГУЛАГа и высылка из Латвии. То есть десятки тысяч человек должны были быть осуждены и высланы. Этот кошмар непременно бы начался и привел к обострению сопротивления, на которое был бы дан ответ, повлекший за собой новые жертвы. Депортация же подвела черту и, возможно, оказалась меньшим злом... Знаю, что за это высказывание на меня набросятся. Но то был очень жесткий период. Происходившее тогда нельзя понять с позиций нашего времени.

Хотя многие процессы того времени напоминают нынешние. То, что недавно происходило на Кипре, весьма похоже на денежную реформу в Германии, а также реформу 1947 года в СССР, когда вклады облагались большими налогами.

А что касается главного вывода нашей книги, то тут я согласен с Янисом Урбановичем. Латвию спасли и те, кто оказывал вооруженное сопротивление советской власти, и те, кто работал во власти, пытаясь разумно амортизировать централизованную политику, спасая от сверхэксплуатации и добывая ослабленный для населения. Поэтому папорота сельским жителям Латвии, Литвы и Эстонии выдали уже в конце 40–х годов, а в России — на 30 лет позже.

Если бы все с энтузиазмом выполняли распоряжения Москвы, то вместо Латвии сегодня была бы другая страна. Но никто не ушел бы, если бы здешнее население оказывало более мощное сопротивление. Латышей бы просто распылили — по 20 000 — по российским округам. Не случайно же Сталину приписывают слова, что если будет продолжаться вооруженное сопротивление, то Литовская ССР, конечно, останется, но неизвестно, будут ли в ней литовцы.

— **Выражение «война в истории» стало уже привычным. Можно ли ее остановить?**

— Война историй — это не конкуренция различного рода интерпретаций, а использование их в политических целях. Можно сколько угодно просить политиков остановить эти

спекуляции, но они все равно будут продолжаться. Сколько копий сломано вокруг требования признания оккупации! Но ведь речь идет не о покаянии, а прежде

де всего о предьявлении материальных претензий. И это тормозит примирение. Как всегда, глубокие раны лечит только время...
Ксения ЗАГОРОВАЯ.